

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ВЫБОР РОССИИ

в вопросах и ответах.

Считается, что реформы в Китае проходят исключительно успешно. Почему СССР не воспользовался китайским опытом? Почему Е.Т.Гайдар и его коллеги, придя в Правительство, не пошли по этому пути?

В основе китайских реформ лежат два принципиальной важности фактора - экономический и политический. Во-первых, наличие огромных, нерастрченных еще факторов экстенсивного роста. Во-вторых, наличие политически стабильного, инертного позднесоциалистического общества. Рассмотрим эти факторы более подробно и попробуем приложить китайскую ситуацию к российской модели 90-х годов.

Все помнят, что уже в брежневские годы не только экономисты, но и партийные пропагандисты немало говорили об исчерпании в СССР факторов экстенсивного роста, о необходимости решительной интенсификации народного хозяйства. И это было не случайно. Уже в 70-е годы практически исчерпались возможности роста экономики за счет вовлечения в производство дополнительных материальных или людских ресурсов. Фактически, в последние 10 доперестроечных лет рост производства происходил благодаря обильному нефтяному экспорту, что, в свою очередь, было возможно на фоне подскочивших тогда цен на нефть.

Иначе складывалась ситуация в КНР. В стране с более чем миллиардным населением, 80% которого живет в деревне, оставались огромные ресурсы для экстенсивного индустриального роста. В известном смысле ситуация напоминала 20-30-е годы в СССР, где индустриализация основывалась на наличии избыточного сельского населения и

31.03.95

возможности быстрого переключения его в отрасли промышленности. Именно трудозбыточная китайская деревня формирует в настоящее время основу быстрого экстенсивного развития народного хозяйства этой страны.

Не менее важен и политический фактор. В КНР сохраняется тоталитарная политическая система. Как и в Советском Союзе, все общественные процессы стягиваются воедино жесткой вертикалью органов компартии. Жесткий аппарат, отсутствие демократических начал, подрывающих партийную монополию на власть - все это держит китайское общество как бы в замороженном состоянии. Но, одновременно, является и неплохим фоном для постепенного проведения реформ.

Когда-то это было возможно и в СССР. Безусловно, это было возможно в 60-е годы, когда в нашей стране была предпринята попытка проведения экономических реформ рыночного типа. Возможно, это могло быть осуществлено и в начале 80-х. Но руководство КПСС (в отличие от руководства компартии Китая) блокировало все реальные попытки трансформации системы, перестройки ее на началах эффективности и рынка.

Как известно, с середины 80-х годов, когда началась перестройка, руководство КПСС в течение некоторого времени испытывало колебания по вопросу о порядке осуществления реформ. После ряда колебаний М.С.Горбачев поставил во главу угла реформу политической системы на началах демократизации и гласности. Причина этого понятна - в отличие от КПК, в руководстве КПСС не было тогда уверенности в необходимости глубокой трансформации застойной экономической системы социализма советского типа. Консерваторы были сильны, подорвать их позиции можно было лишь посредством политической

реформы. Однако подобный путь, естественно, подрывал традиционные основы стабильности и окончательно закрывал возможности осуществления реформ китайского типа (как, впрочем, и повторения столь популярного сейчас опыта государств Юго-Восточной Азии, строивших современную экономику в условиях жестких политических режимов).

Справедливости ради надо также заметить, что вопрос о сравнительных преимуществах восточноевропейского (российского) и китайского пути к современной рыночной экономике остается еще открытым. Китай пока осуществляет экономическую часть реформ, да и на этом пути ему предстоит пройти немало. Но рано или поздно политические изменения станут и здесь неизбежными. Как они будут происходить? Лишь ответив на этот вопрос, можно будет судить о реальной цене китайских реформ.

Не кажется ли Вам, что рассуждения о катастрофическом состоянии российской экономики в конце 1991 года были несколько преувеличены? Разве стране грозил тогда голод? Ведь урожай в 1991 году был неплохой.

Проблеме производства и закупки зерна в 1991 году имела, действительно, критический характер.

Кстати, урожай зерновых был в том году неважным, но отнюдь не катастрофическим - 89,1 млн. тонн (85,4% от среднего за 1986-1990 годы). Но, как и во время первой мировой войны, резко упала товарность производства. Не было ни заинтересованности крестьян продавать зерно (денеги ничего не стоили), ни жесткой власти, готовой взять зерно силой. Закупки зерна упали до 23,6 млн. тонн (68,8% годовых за 1986-1990 годы). Причем и эти ресурсы в основном концентрировались в зернопроизводящих регионах, руководство которых в тяжелой

продовольственной ситуации стремились воспрепятствовать отгрузке зерна остро нуждающимся в нем городам Центра, Урала, Северо-Запада.

На 1 декабря 1991 года общие государственные ресурсы зерна составили 10,1 млн. тонн, сократившись по сравнению с той же датой 1990 года более чем вдвое. Поставки зерна на продовольственные нужды шли практически "с колес", при минимальных резервах. Все надежды избежать продовольственную катастрофу до следующего урожая были связаны, увы, со своевременностью поступления зерна по импорту. Та зависимость от крупномасштабных закупок зерна за рубежом, в которую с начала 70-х годов поставило страну руководство КПСС, проявилась теперь в экстремально опасной форме.

Ситуация со снабжением людей другими товарами была не лучшей. Ниже приводятся выдержки из справки о состоянии торговли в ряде крупнейших индустриальных регионов страны (точнее, в Архангельской, Челябинской, Кемеровской, Пермской, Екатеринбургской, Тульской областях и в Хабаровском крае) на 29 ноября 1991 года. Обратим внимание, что подобные справки Правительство России регулярно получало до весны 1992 года, когда острота проблемы спала и чувство опасности, к счастью, быстро исчезло из памяти людей.

"Во всех этих территориях складывается крайне тяжелое положение в торговле. Продажа мясопродуктов, масла животного, масла растительного, крупы, макаронных изделий, сахара, соли, спичек, табачных изделий, алкогольных напитков, мыла хозяйственного, туалетного и других производится, в основном, по талонам и по мере поступления этих товаров в торговую сеть.

Отпуск хлеба и хлебобулочных изделий ограничен, реализация молокопродуктов происходила по мере их поступления, при наличии больших очередей и ограниченного времени торговли.

Архангельская область. Мясопродукты реализуются из расчета 0,5 кг на человека в месяц, которые не обеспечены ресурсами. Срываюг отгрузку мяса Белоруссия, Ростовская, Ульяновская области...

Молоко имеется в продаже в течение не более часа. Масло животное продается по талонам из расчета 200 г на человека в месяц. Талоны не обеспечены ресурсами из-за недогруза Вологодской и Смоленской областями. Мукой в рознице не торгуют, она поступает только для хлебопечения. До конца года недостаток фондов на муку 5 тыс. тонн. Хлебом торгуют с перебоями. Сахар отпускают по 1 кг в месяц на человека, талоны на него из-за недогруза заводов Украины с июня не отовариваются...

Нижегородская область. Мясопродуктами торгуют по талонам, на декабрь не хватает ресурсов, молоком торгуют в течение 1 часа. Масло животное реализуется по талонам - 200 г на человека в месяц, не хватает ресурсов. Растительное масло в продаже отсутствует, так как оно не отгружается поставщиками Краснодарского края, Украины, а также не поставляется по импорту. С перебоями торгуют хлебом. Не хватает зерна на хлебопечение до конца года в количестве 20 тысяч тонн.

Пермская область. На декабрь выдано талонов на масло животное по 200 г на человека, но ресурсов под них нет. Отказывают в отгрузке Смоленская, Пензенская, Оренбургская, Тверская, Липецкая области, республика Татарстан. Растительного масла в продаже нет, так как поставщики Волгоградской, Костромской, Саратовской областей и Краснодарского края не отгружают его. Сахар отсутствует в продаже. Срываюг его отгрузку заводы Курской и Воронежской областей. Хлебом торгуют с перебоями при наличии больших очередей. Не хватает муки на хлебопечение в объеме 15 тыс. тонн.

В подавляющем большинстве в других индустриальных районах

положение было не лучше.

Экстремальная ситуация требовала максимальной мобилизации всех ресурсов государства. Именно в такие критические моменты пускают в ход легко реализуемые активы, накопленные за годы более спокойной жизни. Напомним, что царское правительство после двух с половиной лет тяжелой войны, в условиях серьезного кризиса снабжения сохранило и передало ревлюционному правительству 1300 тонн золота в своих резервах.

К сожалению, коммунистическое правительство такой добродетели не проявило. За последние годы его власти золотой запас России сжимался, как "шагреновая кожа". За три года 1989-1991 гг. общий объем экспорта золота составил более 1000 тонн. Только в печально рекордном 1990 году было вывезено 478,1 тонн. К концу 1991 года золотой запас бывшего Советского Союза упал до беспрецедентно низкой отметки - всего 289,6 тонн. Он был уже несопоставим по масштабам даже с самыми срочными финансовыми обязательствами и потребностями страны.

Если практическое отсутствие золотого запаса делало продовольственную ситуацию тяжелой, то картина состояния валютных резервов и обязательств придавала ей характер безнадежности.

Из записки заместителя председателя Внешэкономбанка Ю.Полетаева в Министерство экономики и прогнозирования СССР от 14 ноября 1991 года:

"Состояние расчетов СССР в свободно конвертируемой валюте за 9 месяцев 1991 года складывалось следующим образом: Поступление свободно конвертируемой валюты от текущего экспорта составило 26,3 млрд.долл. США. Из них в централизованный фонд поступило для погашения внешнего долга и оплаты централизованного импорта 15,9

млрд.долл. США, в валютные фонды экспортеров 10,4 млрд. долл. США. В то же время платежи из централизованных валютных фондов составили 26 млрд. долл. США. Ситуация осложняется оттоком депозитов и краткосрочных финансовых кредитов, которые с начала года составили на базе нетто 4,1 млрд.долл. США.

Таким образом, недостаток поступлений от централизованного экспорта для осуществления платежей по централизованным фондам составил 10,6 млрд.долл.США. В этой связи, на основании принимавшихся в течение года решений руководства страны ... данный недостаток покрывался за счет проведения операций "скуп" с золотом и его реализации - 3,4 млрд. долл. США, привлечения новых финансовых кредитов - 1,7 млрд. долл. США и использования со счетов Внешэкономбанка СССР средств валютных фондов предприятий, организаций, республик и местных органов власти - 5,5 млрд. долл. США. В связи с крайним обострением платежной ситуации страна в течение года неоднократно оказывалась на грани неплатежеспособности ввиду недостатка ликвидных ресурсов в свободно конвертируемой валюте, о чем неоднократно докладывалось руководству страны. И в конце октября 1991 года ликвидные валютные ресурсы были полностью исчерпаны, в связи с чем Внешэкономбанк СССР был вынужден приостановить все платежи за границу, за исключением платежей по обслуживанию внешнего долга, о чем было должно Комитету по оперативному управлению народным хозяйством СССР.

Недостаток поступлений от текущего экспорта для платежей за границу только за имеющихся на 1 декабря 1991 года обязательств (даже без учета минимальной потребности в свободно конвертируемой валюте для оплаты импорта, включая перевозки) может составить более 3,5 млрд. долл. США, в том числе в ноябре - 1,3 млрд. долл. США. Уже к концу

второй декады ноября ликвидных валютных ресурсов ожидается недостаточно даже для выполнения безусловных обязательств государства и страна может быть объявлена неплатежеспособной..."

Короче говоря, страна неплатежеспособна, на валютном счету денег нет. Больше того, в последний год власти коммунистическое правительство осталось верным своим исходным идеологическим установкам - реквизирировало валютные счета предприятий, организаций и граждан, хранившиеся во Внешэкономбанке.

В. общем, нет ни хлеба, ни золота, ни валюты, ни возможности платить по кредитам и привлекать новые. Неудивительно, что круг тех, кто в подобной ситуации был готов взять на себя ответственность за экономическую политику разоренной страны, оказался узким.

Сюрпризом для Е.Гайдара и его коллег все это, конечно, не было, и все же было ощущение, которое возникает, когда видишь кошмарный сон, знаешь, что это не сон, просыпаешься и видишь - да, это на самом деле не сон. Здесь было такое чувство: мы так и знали, но были какие-то иллюзии, надежды, что, может быть, дела чуть лучше, чем кажется: есть еще подкожные, тайные резервы власти. И выясняется, что нет ни подкожных, ни тайных - вообще ничего нет.

Рассуждения невежд или проходимцев о каких-то "мягких", "социально безболезненных" реформах, которые решают все вопросы и никому ничего не будут стоить, у тех, кто был осведомлен о реальном положении страны, могли вызвать лишь горькую улыбку.

Зачем нужна была либерализация цен в январе 1992 года?

К концу 1991 года развал советской экономики достиг своего апогея. Старая система, административно-приказного распределения приказала долго жить. Никакой иной просто не существовало. Все помнят

острое ощущение опасности от надвигающейся зимы, с наступлением которой ожидали обострение продовольственной проблемы, перебои в снабжении городов топливом. Угроза голода и холода реально нависла тогда над страной.

Всякому, кто знаком с российской историей и с опытом успешных экономических реформ XX века, ясны были по крайней мере два момента. Во-первых, сохранение подобной ситуации чревато тяжелейшими социальными потрясениями - именно попытки государственного перераспределения продуктов в условиях общего развала системы власти стали непосредственными причинами революционных взрывов 1917 года. Во-вторых, проблема наполнения рынка товарами не может быть в такой обстановке решена без решительной либерализации цен. Во всех странах, которые во второй половине нынешнего столетия сумели преодолеть экономические трудности полностью разбалансированной экономики, в качестве первого шага на пути к выздоровлению должны были принять трудное политическое решение об "отпуске" цен.

Впрочем, на проблему можно посмотреть и с другой стороны. Не с позиций мирового опыта, а исходя из принципиальных альтернатив действий российского руководства, опирающегося на традиции советской системы хозяйствования с учетом возможностей государственной власти в ситуации осени 1991 года.

Во-первых, можно было попытаться стабилизировать экономическую ситуацию при помощи внеэкономических инструментов, в основном традиционных для советского хозяйственного механизма, - ужесточить снабженческо-бытовую систему, сбалансировать цены путем их очередного -- подъема, -- прибегнуть -- к -- широкомасштабному использованию карточного распределения потребительских товаров по

социально обоснованным ценам, и тому подобное. Одновременно с этими мерами правительство (если оно, действительно, окажется реформистским) занялось бы подготовкой мероприятий и процедур, позволяющих осуществить комплексную социально-экономическую трансформацию, включая либерализацию экономики и институциональные реформы. Такое развитие событий представляло бы собой по существу консервативный вариант, хотя и с известными модификациями - его проводило бы более популярное, нежели Кабинет М.С.Горбачева-В.С.Павлова, правительство, более определенными были бы его стратегические установки на постепенную декоммунизацию общества. Коротко говоря, логика этой политики может быть сформулирована так: стабилизация экономической ситуации должна предшествовать осуществлению реформ. Судя по всему, именно такому курсу отдавал предпочтение Г.А.Явлинский осенью 1991 года.

Во-вторых, открывалась перспектива быстрого проведения рыночных реформ, которые сами по себе уже могли бы стать фактором экономической стабилизации, при одновременном осуществлении хорошо известных мировой практике мероприятий собственно стабилизационного характера (ограничение бюджетного дефицита, рестриктивная кредитная политика). Здесь фактически во главу угла ставились меры либерализации и макроэкономической стабилизации, постепенно (по ходу выработки соответствующего законодательства) дополняемые мерами институциональной трансформации.

Первый вариант был более понятен как для менталитета советского хозяйственно-политического истеблишмента, так и для широких слоев населения, в принципе, ожидавших от властей мероприятий административно-принудительного характера (во всяком случае, в экономической сфере) и привыкших за десятилетия

коммунистического режима, что именно такой курс избирается для преодоления хозяйственных затруднений. Однако практическая реализация подобной политики, в случае ее выбора, упиралась в одну проблему: в России рубежа 80-90-х годов не было политических и организационных механизмов, способных обеспечить осуществление "административной стабилизации". Не было жесткой вертикали организации власти сверху вниз, утратили былую эффективность органы принуждения, основательно подорванной оказалась система поддержания правопорядка. Словом, Россия (равно как и СССР в последние месяцы своего существования) оказалась страной с ослабленными государственными институтами. *Слабое государство было объективной реальностью, которая должна была приниматься в расчет при выборе экономико-политической стратегии.* Слабое государство Россия получила в наследство от СССР, и она должна была практически заново воссоздавать свою государственность. Это в значительной мере предопределяло выбор экономического курса.

Вполне очевидны были и сложности второго варианта. Такая политика была малопонятной и непривычной для общественного мнения. Она почти гарантировала (безотносительно к ее подлинной эффективности) падение популярности решившихся ее осуществлять политиков. В кратчайшие сроки она переводила экономику страны в качественно новую ситуацию, в которой практически ни у кого из экономических агентов не было опыта функционирования. Была ясна неизбежность существенного скачка цен в момент их либерализации, причем осложняющим фактором являлась высокая степень монополизации народного хозяйства. Но, вместе с тем, она решительно отбрасывала многие иллюзии, характерные для раннереформаторской деятельности, и прежде всего иллюзию всепобедимости демократического и

популярного правительства. Этот курс с самого начала означал признание наличия в России слабого, хотя и гипертрофированного, государства (безотносительно к моральной и политической оценке этого факта).

Словом, избранный тогда курс реформ исходил из признания горьких реалий, и поэтому он был не только болезненным, но и реалистичным. Он порывал с бессмысленными надеждами на возможность использования силы государственной власти, ясно отдавая себе отчет в отсутствии этой силы.

Жизнь показала правоту такого выбора. Несмотря на все тяготы переходного времени, уже с весны 1992 года Россия практически полностью избавилась от угрозы холода и голода. И, более того, наши сограждане оказались избавлены от унижительного многочасового стояния в очередях за самым необходимым. Да, перед нашими гражданами, перед страной стоит сейчас немало острых, тяжелых и болезненных проблем. Но это уже проблемы другого цивилизационного порядка, существенно отличные от проблемы простого физического выживания человека. А ведь именно так, напомним, стоял вопрос накануне либерализации цен.

Возможно, Вы правы, и либерализация цен была необходима. Но почему Правительство Гайдара так резко пошло на осуществление этих мер. - Может быть, было бы лучше "отпускать" цены не сразу, а постепенно?

Сторонники постепенной либерализации цен связывают преимущества этой политики с возможностью обеспечить контролируемый характер социально-экономической трансформации, предотвратить злоупотребления предприятий-монополистов, обеспечить минимальные социальные гарантии в виде доступности важнейших потребительских товаров и предсказуемости динамики цен на основные

производственные ресурсы.

Однако опыт многих стран и элементарные экономический анализ показывали, что в условиях острого финансового кризиса и открытой инфляции попытки удержать честь цен под контролем государства порождают крупные ценовые диспропорции, налагает тяжелую нагрузку на бюджет, возрождает товарный дефицит и очереди. В результате неизбежным становится регулярное значительное повышение государственно контролируемых цен, что становится сильным дополнительным источником инфляции.

Судя по программе ДВР, да и по заявлениям самого Е.Т.Гайдара инфляция является самой тяжелой экономической проблемой современной России. Между тем, в условиях глубокого спада производства и перспективы быстрого роста безработицы самой главной задачей руководства должна быть всемерная поддержка производства. Так ли это?

Прежде всего надо правильно понимать роль и причины спада производства. В советской экономике на протяжении последних десятилетий значительная часть производимой продукции была по сути своей бесполезна. Мы производили вооружений больше, чем весь остальной мир, причем отнюдь не только вооружений наивысшего качества. Военно-промышленный комплекс был не просто важнейшей частью отечественной экономики, но, по сути дела, ее краеугольным камнем, по сравнению с которым большинство отраслей выглядело карликами.

Имея производительность труда в сельском хозяйстве на уровне примерно 20 процентов от европейской, мы производили огромное количество тракторов и комбайнов машин (опять же, больше, чем все другие страны), причем техника эта отличалась исключительно низкой

производительностью и качеством. Селу ее приходилось нередко продавать насильно, по партийной разнарядке.

Можно привести еще десятки аналогичных примеров. Но ведь за всем этим стоит производство миллионов тонн стали и других металлов, топливно-энергетических ресурсов, химической промышленности, станкостроения и т. д. И все это расходовалось, если признаться себе честно, впустую. Сокращение всего этого бессмысленного производства не трагедия, а огромное благо для России. Если бы мы продолжали после 1991 года производить все, что производили ранее, то у нас не осталось бы ресурсов для развития потребительского сектора экономики. То есть для развития отраслей, удовлетворяющих реальные нужды населения.

Против приведенных нами соображений иногда выдвигают три аргумента.

Во-первых, стоило ли было идти на "такие" решительные сокращения производства вооружений, которые мы экспортировали за рубеж на сумму около 15 миллиардов долларов в год. Но в том-то и дело, что эта статистика не вполне честная. Действительно, СССР поставлял в год за рубеж вооружения примерно на такую сумму. Но продавал не более, чем на 2 миллиарда долларов. Остальное оружие шло как бы в долг "дружественным" (читай: террористическим) режимам, которые никогда не собирались за него расплачиваться. "Живых" денег у них и не было, да за них они смогли бы купить вооружения и лучшего качества, чем то, что они брали у Советского Союза. Сейчас экспорт оружия Россией в физическом выражении значительно сократился, но объемы валютных поступлений от этой статьи нашего экспорта отнюдь не уменьшились.

Во-вторых, сокращение даже никому не нужного производства ведет к обострению проблемы занятости. Это серьезная и реальная

проблема. Но позиция ДВР как раз в том и состоит, что государство должно заботиться о своих гражданах, в данном случае - о работниках предприятий, которым грозит безработица, а не об индустриальных монстрах, которых нередко поддерживают на плаву только затем, чтобы оставить при должности старого и влиятельного директора. Надо не поддерживать обреченные предприятия, а концентрировать средства на помощь людям найти новое место работы, переквалифицироваться. В конце концов, истратив эти деньги на создание новых рабочих мест на предприятиях, выпускающих пользующуюся потребительским спросом продукцию. Можно, конечно, истратив миллионы и миллиарды долларов, протянуть с закрытием отдельных обреченных заводов, фабрик, шахт еще годик-другой, но надо отдавать себе отчет, что тем самым для их работников муки переходного периода лишь растягиваются, что затрудняется их социальная и профессиональная адаптация к работе в современных условиях. Что их продолжают держать в униженном положении нахлебников, полностью зависимых не от результатов собственного труда, а от благорасположения государства, которое может продолжать поддерживать это производство, а может и свернуть его (что на самом деле все равно произойдет - рано или поздно).

Наконец, в-третьих, часто говорят, что спад производства (особенно в оборонном секторе) подрывает отечественный научный потенциал, который, действительно, в значительной мере был замкнут на оборонку. Здесь мы предлагаем примерно те же решения, что и в социальной сфере. Значительно дешевле и эффективнее финансировать научные исследования непосредственно, а не поддерживать непомерные объемы производства, не пользующейся спросом продукции. С этих позиций фракция "Выбор России" подходила к обсуждению в Государственной Думе бюджета на 1994 год. Мы резко критиковали

Правительство за его неготовность реально расширить финансирование науки, за стремление держать ученых на голодном пайке. Однако, вместо того, чтобы внять этим рекомендациям, Правительство под давлением аграрного лобби предпочло тогда резко расширить финансирование сельского хозяйства, что было сделано фактически в ущерб науке и социальной сфере.

Однако все сказанное никак не означает, что мы оправдываем спад и не считаем проблему производства важной. Мы реалисты и считаем, что спад, как это ни печально, был необходим нашему хозяйству. Но вот что должно сейчас интересовать власти в первую очередь - так это проблема стимулирования роста. Роста производства тех товаров и услуг, которые пользуются реальным спросом населения и производителей товаров для населения.

И вот здесь-то мы и подошли к проблеме инфляции. Опыт всех стран мира, которые успешно решили (или решают в настоящее время) задач, схожие с нашими, свидетельствует: без остановки инфляции не может начаться рост производства. Сколько на Украине и в Белоруссии ни вкладывали денег в поддержание производства - спад производства и уровня жизни оказывался там конечном счете просто катастрофическим. А стоило в Чехии или Латвии остановить инфляцию, так в течение года после этого в них начался экономический рост.

Такова реальность жизни, которая, впрочем, имеет достаточно простое объяснение. Низкая инфляция означает устойчивость цен и низкий уровень процентных ставок за кредит. Устойчивые цены дают ясные индикаторы производителю, что выгодно, а что невыгодно для производства. Кроме того, они делают капиталовложения в производство в принципе возможными, поскольку при высокой инфляции выигрывают только спекулянты и финансовые воротилы (то есть те отрасли, в которых

срок обращения капитала придельно сжат). Низкие процентные ставки делают доступными банковские кредиты для производства - нельзя построить предприятие или начать новый выпуск продукции, если за кредит надо платить сотни процентов годовых, а ведь уровень процентной ставки примерно соответствует опять же уровню инфляции.

Напомним, что обо всем этом неоднократно предупреждал Е.Т.Гайдар еще в 1992 году. Правда, основывался он тогда не на опыте ближнего зарубежья, но на основе тщательного изучения теории и практики экономических реформ в других странах мира. Тогда ему не поверили или не захотели поверить. Так может быть достаточно повторять старые ошибки и учиться всему только на собственных, да к тому же многократно повторяемых ошибках.

Как преодолеть спад производства и обеспечить, наконец, экономический рост?

Мы уже сказали, отвечая на предыдущий вопрос, что сама проблема спада не может оцениваться однозначно...Огромная часть производства в Советском Союзе была ни чем иным, как производством ради производства - ненужным и неэффективным. Его сокращение никак не является основанием для выводов о состоянии экономики - ни негативных, ни позитивных.

Для того, чтобы оценивать состояние и перспективы отечественного производства, ведущего к реальному росту благосостояния россиян, необходимо наблюдать два перекрещивающихся процесса. С одной стороны, свертывание ненужного и неконкурентоспособного производства. С другой стороны, концентрацию ресурсов там, где производится эффективная и качественная продукция, пользующаяся спросом.

Для решения второй задачи необходимы инвестиции. Инвестиции можно получить из двух источников. Или в результате сбережений россиян - граждане накапливают средства в банках на приобретение особо дорогих товаров, а банки инвестируют эти средства в производство. Или в результате притока в страну иностранного капитала. Возможны также и государственные инвестиции, но практика XX - века свидетельствует о том, что в больших масштабах они оказываются, как правило, неэффективными.

Для того, чтобы частные накопления и иностранные инвестиции стали реальностью, надо остановить (или существенно замедлить) инфляцию. При высоком уровне инфляции, разумеется, никто не станет накапливать деньги - они будут "съедаться" инфляцией. Инфляция также ограничивает возможность инвестора оценивать эффективность вложения капитала, что является мощным заслоном на пути иностранных инвестиций в страну. Наконец, важным фактором экономического роста является и политическая стабильность, без которой инвестиции также оказываются малореальными.

Вместе с тем, было бы ошибочно не замечать важных признаков реструктурирования экономики уже сейчас, после двух-трех лет проведения реальных рыночных реформ. Так, доля сектора услуг в валовом внутреннем продукте впервые превысила 50 процентов - эта тенденция является, безусловно, прогрессивной, она характерна для всех развитых, экономически благополучных стран мира.

Нельзя недооценивать и роль государства в обеспечении экономического роста.

Во-первых именно оно должно обеспечить стабильность, столь необходимую для экономического роста. Стабильность - как экономическую (резкое замедление инфляции), так и политическую.

Во-вторых, государство может использовать ограниченные ресурсы для прямых инвестиций. Однако их желательно прямо привязать к частным инвестициям. Например, еще в 1993 году мы предлагали использовать такой критерий - государство участвует в инвестировании, если предприниматели и региональные администрации готовы вложить в проект 70-80 процентов своего капитала. То есть они непосредственно участвуют в риске, оценивают его, а не ограничиваются привлечением дармовых (для них, а не для всего народа, конечно же) государственных ресурсов.

Наконец, в-третьих, государство должно определиться с точками экономического роста. На протяжении последних двух лет в понятие точечной (или селективной) политики односложно вкладывался вульгарный смысл, который придавали ему идеологи отраслевого лоббизма, когда каждый имел в виду необходимость закачки государственных денег именно в "свою отрасль", оказывая поддержку зачастую как раз наиболее слабым, неэффективным предприятиям ВПК, АПК и других отраслей.

Мы никак не согласны со сведением проблемы "точек роста" к выбору пресловутых отраслевых приоритетов. Мы не собираемся заниматься бессмысленными дискуссиями о том, что важнее для России - военно-промышленный комплекс, аграрный сектор, космические технологии или сельскохозяйственное машиностроение. Реальная экономическая политика означает выбор государством звеньев, которые могут стимулировать рост частных сбережений, инвестиций. Мы полагаем, что таким звеном является в настоящее время в России жилищная политика. Более подробно эта проблема рассматривается нами здесь при ответе на вопрос о "локомотиве" способном в настоящее время вытащить нашу экономику из прорыва.

Что может стать локомотивом экономического возрождения России?

Ключевым звеном осуществления структурной перестройки, локомотивом обновления отечественной промышленности, по мнению ДВР, является жилищная политика. В этом пункте наша позиция радикальным образом отличается от программных установок и заявлений практически всех политических партий современной России, в представлении которых роль подобных локомотивов призваны сыграть военно-промышленный комплекс, космическая индустрия, аграрный сектор: именно о них обычно говорится как о потенциальных "точках роста" российского народного хозяйства. Современная научно-техническая революция позволяет перенести центр тяжести в решении проблемы роста на отрасли конечного потребления, непосредственно связанные с обслуживанием потребностей рядовых граждан.

Возможность существенного улучшения своих жилищных условий является важнейшим стимулом человека к эффективному труду, накоплению и инвестированию. Это - один из важнейших источников роста в любой рыночной экономике, и поистине решающий - в нашей стране, задыхающейся от нехватки капитальных вложений.

Разумеется, жилищная проблема никогда не будет решена, если не изменить коренным образом весь механизм производства и распределения этого важнейшего для каждого человека блага. То есть если сохранить чиновника в качестве центральной фигуры при выделении ресурсов на строительство и при распределении квартир. Однако известны и другие пути решения жилищной проблемы, хорошо зарекомендовавшие себя во многих странах, осуществивших в нынешнем столетии переход от тоталитарной экономики к рыночной.

Главное здесь - предоставить решение этих задач самим гражданам. Разумеется, собирание денег в копилку или даже на банковском счете не даст большинству россиян необходимых для покупки жилья средств. Поэтому мы выступаем за широкое развитие системы жилищного кредита, представляемого на льготной основе через соответствующие банковские структуры. Именно государство должно позаботиться о том, чтобы сделать этот кредит льготным. Более того, будучи противниками льготных кредитов как системы, мы убеждены, что именно жилищный кредит является тем единственным исключением, на которое может и должно пойти государство, несмотря на все тяготы переходного периода, несмотря на трудности балансирования бюджета. Единственное условие здесь то же, о котором шла речь в связи с решением других проблем отечественной экономики - чтобы эти кредиты стали возможны, необходимо сперва существенно снизить инфляцию.

Жилищный кредит создаст весомые стимулы к накоплению, формирует устойчивый спрос на продукцию важнейших отраслей отечественной промышленности и тем самым подталкивает производство к росту. Это стимулы, идущие непосредственно от населения, со стороны конечного спроса, и создают в итоге механизм устойчивого и сбалансированного роста, когда производство будет развиваться не ради производства, а для потребления, когда потребности человека перестанут восприниматься в качестве досадной помехи, источника лишних затрат на пути безграничной индустриальной экспансии.

Ваше отношение к экономическому союзу с бывшими республиками СССР?

Если коротко - то позитивное. Однако при соблюдении одного очевидного условия: при заключении подобного рода соглашений нельзя

допускать ущемления экономических интересов россиян. Между тем, предложения о союзе, о заключении тех или иных двусторонних и многосторонних экономических соглашений нередко имеют в своей основе желание наших партнеров по СНГ получить те или иные преимущества за счет российского налогоплательщика.

Более точный ответ же на вопрос об экономическом союзе требует и более конкретного его рассмотрения.

Что имеется в виду, когда мы говорим о нашей поддержке идеи и экономического союза? Прежде всего создание зоны свободной торговли между республиками бывшего СССР (или, точнее, между государствами - членами СНГ), то есть отмену всяких ограничений на продвижение товаров и капиталов на нашем общем экономическом пространстве. Это стало бы первым важным шагом на пути воссоздания единого рынка, который стал бы одним из крупнейших в мире.

Важен также и платежный союз, то есть достижение ситуации взаимной конвертируемости валют стран - членов соглашения о платежном союзе. Тем самым упростились бы расчеты между нашими предприятиями, были бы сняты многие технические препятствия на пути производственной кооперации между ними. Это существенно облегчило бы хозяйственную деятельность, стимулировало бы развитие взаимовыгодных экономических связей.

Кроме того, платежный союз является инструментом решения ряда сложных социальных проблемы. Он значительно упрощает процесс выдачи пенсий, социальных пособий гражданам, живущим на территории другой республики. На место почтовых переводов денег приходят более простые и эффективные межбанковские расчеты.

Мы выступаем за унификацию экономического законодательства. Мы убеждены, что страны, объединенные общими целями

экономического строительства, могут и должны основывать свои отношения на едином, эффективном и современном хозяйственном законодательстве. Неплохую основу для решения этой задачи дает, по нашему мнению, новый Гражданский кодекс Российской Федерации, который могли бы использовать у себя и другие члены СНГ. Общих подходов требует и антимонопольное регулирование, и денежно-банковское законодательство, природоохранная система, и т. д.

Учитывая экономический и политический вес России, накопленный ею опыт реформирования экономики (который, безусловно, заметно опережает опыт других членов СНГ), мы убеждены, что именно российское законодательство должно рассматриваться в качестве базы для состыковывания законодательства государств Содружества. Еще более определенно это можно сказать и о денежной политике: Россия никогда не должна соглашаться на передачу части своих денежно-кредитных полномочий общему собранию других государств, поскольку она является не только самым продвинутом по пути реформ членом СНГ, но аккумулирует у себя примерно 2/3 всего его денежного оборота.

Подобного рода предложения находят все более широкое понимание и среди руководства СНГ. Была фактически остановлена реализация идеи российско-белорусского денежного союза по модели Черномырдина-Кебича, на встрече в верхах в 21 октября 1994 года была принята концепция платежного союза. Имеются и другие позитивные примеры в этом отношении. Хотя надо отдавать себе ясный отчет, что путь к реальному экономическому единству стран СНГ будет длинным и непростым - если мы хотим достичь этого единства на современном европейском уровне. То есть единства, ведущего не к застою и консервации старых хозяйственных структур, а к постоянному повышению эффективности функционирования экономик всех государств, входящих в

Содружество, повышению конкурентоспособности наших товаров и капиталов.

Был ли распад Союза ССР неизбежным?

Начало радикальной реформы "по Гайдару" и прекращение существования СССР практически совпадают во времени. Значит, за распадом Союза стоит Гайдар со своими реформами?

Он стал неизбежным после 19 августа 1991 года. Организаторы попытки государственного переворота окончательно подорвали доверие союзных республик к федеральному центру, к стабильности и предсказуемости его политики.

Кроме того, лидеры ГКЧП наглядно продемонстрировали возможность возвращения неэффективного, если не маразматического, коммунистического режима, который не могли поддерживать даже руководители Белоруссии, Таджикистана и Туркмении, отличавшиеся тогда особенным консерватизмом. Недаром в течение двух недель после путча практически все республики официально заявили о своем суверенитете.

Именно после поражения путчистов СССР практически лишился центрального руководства - Правительство (Кабинет Министров) СССР был заменен Межреспубликанским экономическим комитетом (МЭК), причем союзные республики сосредоточили в своих руках реальный контроль за "своей" экономикой. Вопросами, наиболее активно обсуждавшимися на заседаниях МЭК уже в сентябре-октябре 1991 года, был дележ золотовалютных резервов СССР, которых, правда, к тому времени уже почти не осталось. Попытки заключения межреспубликанского экономического соглашения в сентябре-октябре закончились полным провалом, причем отнюдь не по вине России -

подписать соглашение отказалась Украина, без чего оно лишалось какого-то смысла.

Наконец, была и более фундаментальная причина, которая делала ликвидацию СССР практически неизбежным. Разные республики Союза, их руководители не только ориентировались на различные целевые установки своего развития, но и по-разному видели пути преодоления кризисных явлений в экономике. В одних республиках явно доминировало стремление к реформированию экономики на началах современной рыночной демократии, в других в качестве образца для подражания были избраны добившиеся крупных экономических успехов авторитарные режимы Юго-Западной Азии (Южная Корея, Тайвань, Таиланд), третьи стремились к сохранению некоммунистического статукво, немного перекрашенного в национальные или исламские цвета.

До августа 1991 года еще оставалась надежда преодолеть все эти центробежные тенденции при проведении союзным центром четкой, ответственной и последовательной экономической политики. Попытка государственного переворота "сверху" и ее бесславный провал окончательно дискредитировали союзные органы власти. Но и здесь еще оставался шанс: передача М.С.Горбачевым полномочий союзного Президента Б.Н.Ельцину как наиболее авторитетному на тот момент руководителю самой крупной республики Союза. Однако Президент СССР не решился на такой шаг. В результате, без авторитетного руководства и имея разные представления о перспективах выхода из кризиса, республики уже осенью 1991 года фактически оказались по отношению друг к другу на положении независимых, хотя и связанных общей историей, соседних государств.

Раньше в наших магазинах продавались в основном товары отечественного производства. Теперь все завалено импортом, а свое

производство падает. Получается, что в ходе реформ мы стали жить за счет нехитрого обмена топлива на ширпотреб. То есть вывозим невосполнимые топливно-энергетические ресурсы, а ввозим шмотки. Не разбазарим ли Россию?

Здесь переплетается по крайней мере несколько вопросов.

Прежде всего неправильно утверждение, что мы разбазариваем ресурсы в обмен на ширпотреб. На самом деле импорт, по сравнению с прежними временами, значительно сократился. Более того, экспорт примерно вдвое превышает импорт, а количество вывозимой за рубеж нефти сократилось в настоящее время по сравнению с уровнем 80-х годов. Например, если в 1988 году за рубеж СССР вывозилось около 130 млн. тонн российской нефти и 25,6 млн. тонн нефтепродуктов, то в 1994 году эти показатели составили соответственно 39 и 17,4 млн. тонн (а с учетом вывоза в страны "ближнего зарубежья" - примерно 85 и 25 млн. тонн соответственно). То есть говорить об "обмене нефти на ширпотреб" было бы по крайней мере неточно.

Другое дело, что сильно изменилась структура импорта. Раньше в ней доминирующие позиции занимали продукция производственного назначения и зерно. Значительная часть ввозимого оборудования годами валялась без всякого применения и нередко приходила в негодность так и не установленная в цехах предприятий. Зерновой импорт свидетельствовал о крайней неэффективности отечественного сельского хозяйства и о продовольственной зависимости нашей страны. Теперь же завозится в основном то, что находит сбыт у российских покупателей.

Время пустых прилавков прошло. И, хочется надеяться, навсегда. Наша торговля еще не блещет изобилием, но уже можно говорить об очевидном разнообразии товаров. Сам факт наличия в магазинах разнообразных товаров создает стимулы по крайней мере двойного рода.

Во-первых, к зарабатыванию денег - в условиях всеобщего дефицита, когда честно заработанные деньги невозможно было потратить честно (то есть не через черный ход магазина), нельзя было всерьез говорить ни о каком "стимулировании рублем". Во-вторых, к производству высококачественной, конкурентоспособной продукции - наличие импортных товаров в магазинах является важнейшим барьером на пути отечественных монополистов, известных своим стремлением производить некачественную и дорогую продукцию, навязывая ее не имеющему возможности выбора потребителю. Причем и в первом, и во втором случаях мы имеем в виду свободу выбора как для гражданина (личное потребление), так и для предприятия (производственное потребление), поскольку и тот, и другой одинаково страдали от диктата продавца.

Как обеспечить единство России? Существует ли опасность ее распада?

Опасность распада России действительно существовала и, в известном смысле, существует вплоть до настоящего времени. Что мы имеем в виду?

Как и за распадом Союза ССР, за угрозой распада России стоят прежде всего экономические причины. Советский Союз прекратил существование, когда центральное руководство не смогло обеспечить единой и эффективной экономической политики, заинтересовывающей отдельные республики в сохранении единого экономического пространства, единой валюты и общего для всех рынка.

Главными экономическими врагами единства великой страны стали всеобщий товарный дефицит и отсутствие денежной единицы (валюты), привлекательной как для производителей, так и для потребителей.

Товарный дефицит всегда был характерен для советской экономики. Но к концу 80-х годов он приобрел всеобщий характер. Денег печаталось все больше, а купить на них можно было все меньше товаров, поскольку прилавки все более пустели. Не только рядовые граждане, но и руководители отдельных республик СССР все чаще задавались вопросом: "Мы производим товары, а они проваливаются, как в черную дыру. Понятное дело - их забирает союзное правительство и отдает другим регионам. Разве это справедливо? Все сразу изменится к лучшему, если мы сами будем контролировать производство и распределение продуктов, будем отлавливать их у себя и не допустим "чужих" покупателей на свой рынок".

Так и развивались события в последние годы правления коммунистической партии. На Украине твердо верили, что за продовольственным кризисом в республике стоят неумные аппетиты россиян. Средняя Азия была уверена, что весь Союз живет за счет вывозимого отсюда хлопка по ценам ниже мировых (о том, что качество хлопка тоже значительно ниже мирового, никто, естественно, не задумывался). Россия утверждала, что ее грабят, вывозя энергоресурсы по заниженным ценам. И так далее.

В результате единое некогда экономическое пространство стало разрываться таможенными. Сперва власти союзных республик, а затем и отдельных регионов России стали исповедывать в своей политике два нехитрых принципа. Во-первых, запрет на вывоз "своей" продукции за пределы региона. Во-вторых, ограничение на покупку производимой в республике (области, крае, автономии) продукции жителями других регионов. И, одновременно, все были крайне заинтересованы сбывать "свою" продукцию за свободно конвертируемую валюту - пусть и по ценам значительно ниже рыночных.

Всем памятна Россия конца 1991 года. Во всех регионах товары, если они еще остались в магазинах, продаются только по карточкам. Во многих регионах карточки уже не отовариваются. Повсеместно запрещено вывозить продукцию за пределы своего региона. Это было, действительно, очень опасно. Единственное, что было возможно в тех условиях для предотвращения распада России на удельные княжества - сделать рубль привлекательным платежным средством.

И это удалось за считанные месяцы. Вряд ли кто-нибудь помнит, когда внутри России исчезли - таможи. Это произошло как бы само собой к весне 1992 года, по мере заполнения прилавков товарами. Вдруг выяснилось, что рубль является не таким уж деревянным, что за покупателя надо бороться и что главной проблемой является не сберечь товар, а найти для него покупателя.

Более того, выяснилось, что проведение ответственной денежной политики дело не такое уж простое, и на уровне удельного княжества нерешаемое.

Соответственно, изменилось и отношение к России и других республик бывшего СССР. Правда, время для сохранения единого союзного государства было уже упущено. Но развитие взаимовыгодных экономических связей возможно и на основе добрососедских отношений между соседними странами. И тут выяснилось, что российские покупатели с их рублями являются желанными гостями и на рынке украинского сала, и белорусского ширпотреба, и грузинских мандаринов, и узбекского хлопка. Другое дело, что и россияне теперь могут сравнивать и выбирать - покупать ли сало на Украине, одежду в Белоруссии, а хлопок в Узбекистане. Или обращаться к другим поставщикам. Или, наконец, производить самим, если это выгодно.

Итак, единство СССР сохранить не успели, но решительные

действие Правительства на рубеже 1991-1992 годов остановили гораздо более худшую трагедию - распад Российской Федерации. Однако значит ли это, что опасности распада ее не существует? Она существует до тех пор, пока сохраняется возможность реставрации жесткого коммунистического режима, который возьмет на себя смелость (или глупость) восстановления практики централизованного руководства товаропотоками из Москвы и попытается вернуться к государственному ценообразованию. Реакцией на это станет немедленное восстановление всеобщего дефицита, потеря рублем его привлекательности как платежного средства и стремление местных руководителей уберечься от перераспределительных амбиций центральной власти. А это с неизбежностью будет означать возрождение сепаратистских настроений с угрозой для целостности Российской Федерации.

В России сейчас выгоднее торговать, чем производить. Почему?

Кто в этом виноват?

Такая ситуация возникает всегда, когда в стране быстро растут цены. Чем выше инфляция, тем менее выгодно вкладывать деньги в производство. Ведь производство требует времени, и капитал, вложенный в производство в условиях инфляции бустро обесценивается. Поэтому в выигрыше оказывается тот, кто сможет вложить деньги и получить на них прибыль (то есть "обернуть капитал") в предельно сжатые сроки. Наиболее быстро капитал оборачивается в торговле. Следовательно, в условиях высокой инфляции предприниматели стремятся прежде всего вкладывать деньги в торговлю.

Отсюда, кстати, следует очень любопытный вывод относительно политических устремлений разного рода лоббистов (аграрных, военно-промышленных и иных), которые буквально зубами рвут наше

государство с его, увы, скудным бюджетом, требуя себе новых и новых финансовых вливаний, не заботясь о том, к каким последствиям приводит страну их активность. Да и не заботятся они вовсе о производстве. Ведь чем больше денег впрыскивается в народное хозяйство, тем хуже оказывается обстановка для производства и тем лучше для спекуляции. А сами напечатанные деньги, как свидетельствует наша практика последних двух лет, вовсе не идут на развитие производства (да это было бы просто невозможно), но очень быстро обнаруживаются на валютном рынке.

Следует ли, по мнению ДВР, предоставлять иностранному капиталу преимущество по сравнению с российскими предприятиями?

Мы отвечаем на этот вопрос отрицательно.

В принципе, на этот счет существует несколько точек зрения, достаточно аргументированных как теоретически, так и практически. Сторонники создания специальных льгот для иностранного капитала утверждают, что в современной России нет достаточной политической и экономической стабильности для притока иностранного капитала, столь необходимого нашему народному хозяйству. Отсутствие этих условий пытаются компенсировать созданием разного рода льгот.

Наша позиция состоит в создании условий, благоприятных для конкуренции отечественного капитала с иностранным. В условиях высокой степени монополизации отечественной экономики лишь присутствие иностранных товаров и капитала может спасти россиянина-потребителя от унижительной зависимости от монополиста-продавца. Однако это вовсе не означает, что иностранный капитал должен иметь узаконненные преимущества в конкурентной борьбе с отечественным производителем.

Что же касается необходимости компенсации иностранному капиталу ряда негативных экономико-политических условий современной российской ситуации, то мы, во-первых, не убеждены в возможности нейтрализации политических рисков экономическими преимуществами. А, во-вторых, ряд общеэкономических и правовых факторов (низкие импортные тарифы, курс рубля по отношению к доллару и т. п.) создают достаточные экономические стимулы для притока иностранного капитала. Повторяем: дело за общеэкономической и политической стабильностью.

Каковы основные лозунги экономической политики ДВР?

Они очень просты:

- 1). Остановить инфляцию, не допускать безумного роста цен.
- 2). Обеспечить неуклонное снижение государственных расходов на аппарат управления, непомерно разбухший за 1993-1994 годы.
- 3). На этой базе обеспечить снижение налогов как с предприятий, так и с граждан.
- 4). Благодаря остановке инфляции, снижения госрасходов и налогов стимулировать рост производства.
- 5). Провести реформу государственного бюджета в направлении усиления финансирования социальной сферы - здравоохранения, науки, культуры, образования.
- 6). Ужесточить контроль за расходованием государственных средств. Выделяемые отраслям промышленности и аграрному лобби, они сейчас не идут на поддержку производства, а перекачиваются в коммерческие структуры, самих же промышленно-аграрных генералов или попадают на валютную биржу.
- 7). Осуществить реальный процесс банкротства неэффективных

предприятий, направив средства, которые сейчас бессмысленно расходуются на их содержание, на переквалификацию занятых на этих предприятиях, на создание новых рабочих мест. Не говоря уже о том, что сама угроза банкротства является хорошим стимулом, заставляющим предприятия "подтянуться".

8). Стимулировать конкуренцию на внутреннем рынке, бороться с монополизмом в том числе и либеральными условиями внешнеэкономической деятельности. Надо помнить, что конкуренция с иностранным товаром является лучшим средством против отечественного монополиста. И в этом смысле мы всегда на стороне потребителей, которые должны иметь возможность выбора товара в зависимости от его цены и качества.

9). Важна и поддержка производителя, но не индивидуальными льготами, а стимулированием инвестиционной деятельности, привлечением капиталов и использованием их в производственных целях.

10). Поддержка бедных и слабо защищенных слоев населения. Но эта поддержка должна быть именно целевой в отличие от формальной индексации минимальной зарплаты, которая (индексация) на практике означает автоматический многократный рост доходов госчиновников, особенно высокооплачиваемых, чья зарплата считается в разгах от минимальной зарплаты.

Как относится ДВР к возможности выхода отдельных регионов из состава России?

Партия ДВР твердо придерживается принципа территориальной целостности Российской Федерации. Мы федералисты, поскольку убеждены, что в такой огромной стране, какой является Россия, нельзя

управлять на унитарных основаниях. Однако мы не распространяем свой федерализм вплоть до признания прав отдельных сепаратистов вести дело к развалу единого государства.

Более того, мы уверены, что в условиях нормального, мирного, рыночного развития территориальному единству России ничего и не угрожает. Россия - страна с глубокими историческими традициями единого государства, с доминированием русского и русскоязычного населения, с единой культурой, объединяющей всех наших граждан. Как говорится, культурных и языковых различий между россиянами Владивостока и Смоленска гораздо меньше, чем, скажем, между немцами Гамбурга и Мюнхена.

Практика показывает, что сепаратизм в России становится популярным, когда центральное руководство оказывается неспособным к проведению осмысленной экономической политики и его действия приводят к резкому ухудшению экономического положения страны. Тогда то территория России оказывается перегороженной таможнями, а в крупных городах, остающихся без достаточных запасов продовольствия, зреют зерна политического взрыва, чреватого распадом государства. К таким результатам могут привести, например, попытки возрождения коммунистической практики централизованного распределения продуктов (как производственного, так и потребительского назначения), утверждение жесткого репрессивного режима и тому подобные факторы.

Вместе с тем, мы полагаем, что пребывание в составе федерации, поскольку это связано с немалыми экономическими и политическими преимуществами для ее участников, налагает на них соответствующие обязательства. И субъекты федерации имеют право обезопасить себя от опасных действий отдельных территориальных образований. Возможно, субъекты федерации могут ставить вопрос о целесообразности

пробывания в ней того или иного субъекта, развитие событий в котором создает угрозу для стабильности страны и отдельных ее частей.

Говорят, что ДВР - партия крупного капитала. Так ли это?

Прежде всего подчеркнем, что ДВР выступает категорически против выделения людей по социально-сословному признаку (равно как и расовому) при ответе на вопрос, чьи интересы выражает эта партия. Хотя это и не означает, что мы претендуем на звание "партии всего народа". Это уже пыталась делать КПСС, и всем известно, чем это для нее кончилось.

Мы - партия квалифицированных людей, партия профессионалов. Этот вывод не является для нас благим пожеланием. Он вытекает из наших программных принципов, да и из нашего практического опыта.

Говоря о практическом опыте, мы имеем в виду, например, многочисленные опросы общественного мнения, которые однозначно показывают: число поданных за "Выбор России" голосов на выборах, число готовых отдать за нее голоса в настоящее время увеличивается по мере движения от менее образованных групп населения к более образованным.

Наши программные принципы во главу угла ставят снятие всяких преград, сковывающих возможности любого гражданина проявлять инициативу и творчество в трудовой деятельности. Мы выступаем против чиновничьего произвола, против неоправданного вмешательства властей в жизнь граждан, за возможность каждого свободно выбирать сферу реализации заложенного в каждого человека таланта. Но для того, чтобы реализовать свои таланты, человек должен много и напряженно трудиться. Лучше всего воспользоваться свободой может квалифицированный, активный человек. Поэтому-то мы и утверждаем, что именно квалифицированные люди являются нашей главной опорой.

То же можно сказать и про предпринимателей. Бизнесмен бизнесмену рознь.

Одни работают на мировом уровне эффективности, не боятся конкуренции, вкладывают капитал в производство (непосредственно или через банки). Государство нужно им не для выкачивания "дешевых денег", не для борьбы за льготы и привелегии, а как гарант поддержания стабильности в обществе, как источник законов и порядка. Понятно, что это - профессионалы.

Другие способны выжить только при постоянно государственной поддержке - или в виде денег, перекачиваемых от эффективно работающих предприятий, или в виде таможенной защиты от конкурентов (тем самым отечественный потребитель лишается выбора и мы опять попадаем в ситуацию господства монополистов). Они крайне заинтересованы в инфляции, так как нестабильная обстановка позволяет выбивать себе дополнительные льготы. Здесь трудно найти подлинное мастерство, профессионализм.

Мы опираемся на ту часть отечественного бизнеса, которая способна к настоящему творчеству, которая готова и способна побеждать в честной конкурентной борьбе, которая нацелена на инвестиции, а не на отмывание капиталов и вывоз их за границу.

Словом, если в общих чертах охарактеризовать социальную базу ДВР, то ее можно определить понятием *квалифицированные работники*. Те, кто хочет жить собственным трудом, будь это работа руками или головой, кто верит в свой труд, в свой талант, в свои способности. И не хотят зависеть от произвола чиновника и бюрократа. Кто требует, чтобы государство гарантировало каждому человеку возможность в полной мере реализовать свои способности и, вместе с тем, не давало бы в обиду слабым.

Именно поэтому ДВР - партия квалифицированных рабочих, без которых немислимо существования никакого производства. Тех рабочих, которые не зависят от произвола начальства, но, напротив, в силу своей квалификации и авторитета определяют производственный и моральный климат на своих предприятиях.

Именно поэтому ДВР - партия интеллигенции, для наиболее полного раскрытия талантов которой государство должно гарантировать максимальную свободу творчества. Творчества, которое должно быть ограждено от произвола в любой форме, будь то произвол бюрократии или денежного мешка.

Наконец, ДВР - это и партия крестьянства. Того крестьянства, которое имеет опыт, талант и вкус работы на земле. Тех крестьян, которые способны найти свое место в рыночных отношениях, которые работают не на консервацию отсталости нашего сельского хозяйства, а активно работают на возрождение российского села.

И, конечно, мы не рассчитываем на поддержку тех, благополучие кого зиждется на близости к распределительной кормушке. Тех, кто паразитировал на дефиците и тех кто до сих пор пытается искусственно воссоздать дефицит в отдельных секторах отечественной экономики. Мы не рассчитываем на поддержку тех, кто решает свои проблемы кликушескими призывами, требуя отщипнуть ему большой кусок от общего пирога и не интересуется, чем же обернется удовлетворение его потребностей для остальных россиян. Не поддержат нас и те, чьей профессией стала ловля рыбы в мутной воде нестабильности и неопределенности, паразитируя на которых можно в одчасье сколотить огромные состояния.

Националисты, прикрывающиеся марксистскими фразами, фашист, рялящийся в либералов и демократов, и готовый втянуть Россию

в пожар новых войн, сутенеры, именующие себя бизнесменами, просители, привыкшие считать себя директорами - все эти персонажи хорошо известным нашим согражданам. И от них-то исходит настоящая опасность для нашего государства.

Конкуренция с иностранными товарами опасна для отечественных производителей. Не лучше ли оградить их от конкуренции?

Такое решение было бы еще более опасно.

У нас много говорится об исключительно высоком уровне монополизма, который был свойствен советской экономике. Это вело к диктату производителя над потребителем, к отсутствию заинтересованности производителей к повышению эффективности производства и качества продукции.

О том, что с монополизмом необходимо бороться, признавалось практически всеми - от коммунистов до либералов. Но как бороться? Еще недавно были широко распространены у нас идеи разукрупнения промышленных гигантов, создания на их базе нескольких производственных единиц, конкурирующих друг с другом. К счастью, вскоре стала очевидна полная бессмысленность такого решения. Одно было опасным с производственной точки зрения, так как означало не более и не менее, как ликвидацию единых производственных комплексов, подрыв их не только экономических, но и производственно-технологических характеристик. В качестве другого варианта предлагалось создание (чуть ли не "в плановом порядке") альтернативных производств, способных конкурировать с монополистами. Понятно, что это решение являлось бы откровенно искусственным, не говоря уже о его практической нереализуемости в условиях переходной, то есть предельно

ослабленной, экономики. И, естественно, в обоих этих случаях никто не мог гарантировать, что предприятия, которым "предназначено" быть конкурентами, не вступят в элементарный сговор за раздел рынка и ограничение или недопущение конкуренции.

Единственным выходом, спасением для отечественного потребителя (а потребителями в конечном счете являются все - и граждане и предприятия) является открытие внутреннего рынка для иностранной конкуренции. Здесь сговор не так вероятен, как между "своими" предприятиями. Здесь возможны достаточно эффективные рычаги государственного контроля за ситуацией на рынке и достижением необходимого баланса интересов между своими и зарубежными производителями.

В свое время приходилось слышать удивленные, а то и недоуменные вопросы: как можно проводить либерализацию цен при нашем уровне монополизма. Практика показала, что при одновременно либерализации внешнеэкономической деятельности это вполне возможно и даже эффективно. Более того, именно наличие иностранных конкурентов в настоящее время является важнейшим фактором, сдерживающим рост цен на рынке потребительских товаров. Если сейчас, следуя требованиям коммунистов и националистов, заморозить валютный курс и (или) ввести запретительные таможенные тарифы на импортируемую продукцию, то вслед за прекращением импорта неизбежен резкий скачок цен.

Словом, отказ от политики, направленной на стимулирование конкуренции внутри страны, означал бы сильное ухудшение положения российского потребителя, который опять бы оказался в положении заложника отечественных монстров-монополистов.

За последний год среди предпринимателей и экономистов было

немало дискуссий относительно внешнеэкономической политики правительства. Это является показателем известного продвижения России по пути рыночных реформ. Если раньше от власти требовали выделения дефицитных фондов (до 1992 года) или исключительно "дешевых денег" (в 1992-1993 годах), то теперь наши предприниматели все яснее осознают, что их перспективы во многом зависят от условий экспорта производимой ими продукции и импорта комплектующих или конкурирующих товаров. В 1994 году проходили острейшие дискуссии о допущении в Россию иностранных банков (протестовали отечественные банкиры), импортного продовольствия (протестовали аграрии), импортных автомобилей (протестовали автомобилестроители), и т. д. При принятии всех этих и подобных решений требуется индивидуальный подход, который не вел бы ни к разорению отечественного бизнеса, не к жированию его за счет обдирания потребителя.

Конечно, курс на стимулирование конкуренции при помощи соответствующей внешнеэкономической политики не должен быть бездумным. Он не должен противоречить естественной для государства задаче поддержки отечественного бизнеса. Но здесь принципиален один критерий - поддержки государства заслуживает конкурентоспособное, эффективное производство, а никак не те предприятия и их директора, которые хотят прикрыть свою слабость при помощи ограничения конкуренции.

Почему ваша партия и лично Е.Т.Гайдар жестко выступаете против предоставления слабым предприятиям финансовой поддержки? Ведь льготные кредиты или помощь из госбюджета могли бы приостановить спад производства.

Требовать предоставления льготных кредитов и бюджетного

финансирования в сколько-нибудь ощутимых размерах - это все равно, что требовать ускорения роста цен. Это абсолютно железный, многократно подтверждавшийся в десятках стран мира экономический закон. Следовательно, заданный вопрос иначе можно сформулировать так: "Почему бы не поддерживать промышленность ценой раскрутки инфляции?".

Об инфляции мы уже говорили в другом месте. Здесь же подчеркнем, что инфляционная поддержка предприятий не способствует росту, а втягивает экономику страны в пучину еще более глубокого кризиса. Недаром инфляционное финансирование народного хозяйства нередко сравнивают с попытками лечить наркоманию приемом новых доз наркотиков. Приняв очередной ("последний!") раз наркотик, больной испытывает непродолжительное облегчение, которое вскоре сменяется еще более худшей "ломкой". Причем период улучшения становится все более коротким, потребная для этого доза - все более сильной, а наступающее затем ухудшение - еще более тяжелым. Недаром один из известнейших финансовых авторитетов нашей страны Г.Я.Сокольников называл инфляцию "опиумом для народного хозяйства".

Впрочем, сравнение с наркотиком - это лишь яркий образ, никак не заменяющий конкретного ответа на поставленный вопрос. И этот ответ требует обратить внимания на две группы аргументов.

Дешевые деньги подрывают сам инвестиционный процесс в народном хозяйстве, а, следовательно, и возможности перехода от спада производства к его росту. Действительно, какие экономические условия делают инвестиции выгодными и возможными? В современных условиях, когда развитие производства требует немалых заемных средств, всякий, кто хочет производить, а не спекулировать, должен иметь возможность пользоваться банковскими кредитами или занимать средства при помощи

акций или облигаций. Но для этого процент, который должен платить заемщик банку (или дивиденд по акциям) должен быть относительно небольшим. Ведь производственные инвестиции, в отличие от вложений в торговлю, требуют значительного времени. И при высоком проценте за кредит они оказываются просто невыгодными.

Значит, прежде всего, чтобы добиться роста производства, надо обеспечить низкую процентную ставку в банках. Но ведь совершенно ясно, что увеличение количества денег в народном хозяйстве ведет не просто к росту цен, но и к обесценению самих денег, то есть к инфляции. А естественным следствием инфляции является удорожание кредита, причем долгосрочный кредит (наиболее ценный для производства) становится практически недоступным. Тем самым, чем больше к хозяйству заводится "дешевых денег", тем менее благоприятной становятся возможности для роста производства.

Более того, вряд ли у кого вызовет удивление, что "дешевые деньги" попадают в как правило не наиболее прогрессивным и эффективным производствам, а тем, у кого имеются наилучшие связи в "коридорах власти". Понятно, что индустриальные монстры, выпускающие никому не нужную продукцию, но хорошо приспособленные к лоббированию своих интересов в Москве, имеют гораздо больше шансов получить денежную помощь от государства, чем вновь возникаемые небольшие высокотехнологичные частные производства. Иными словами, государственная раздача денег, кроме всего прочего, способна лишь затормозить структурную перестройку народного хозяйства, без которой наша страна обречена оказаться на обочине научно-технического прогресса.

Наконец, практика показывает, что льготные кредиты и бюджетные субсидии нередко (или даже как правило) не попадают к

тому, кому они предназначены, или же приходят к нему со значительным опозданием. В одном случае они долго "крутятся" в банках-посредниках, принося немалые барыши, а тем временем в значительной мере обесцениваются в условиях высокой инфляции. В другом случае эти средства, дойдя до предприятия, прямоком попадают на валютный рынок. И здесь вряд ли стоит искать объяснения в нечестности или коррумпированности кадров предприятий или банков. Они ведут себя с экономической точки зрения вполне оправданно. Просто вновь приходится напоминать, что в условиях высокой инфляции производственные инвестиции оказываются крайне неэффективными, а сами руководители предприятий (будь то директора или собственники) не имеют надежных критериев оценки эффективности тех или иных инвестиционных проектов.

Неплатежи - серьезнейшая проблема российской экономики.

Каково отношение к этой проблеме ДВР?

Хронический кризис платежей, существенно затрудняющий нормальное развитие отечественной экономики, действительно, несет в себе серьезную опасность для народного хозяйства, для продолжения рыночных реформ. Этот кризис представляет собой "бодяго", в котором вязнут многие важные институциональные и экономические преобразования.

Кризиса платежей - это явление сложное и многоплановое. Его ликвидация должна быть основана не столько на "распивке" существующих платежей, сколько на устранении причин, платежи порождающих. Каковы эти причины?

И здесь надо откровенно признать, что значительная часть платежей связана непосредственно с деятельностью руководителей

предприятий, не готовых к перестройке своего экономического мировоззрения, приводит к замораживанию или проеданию оборотных средств, что автоматически влечет за собой необходимость использования заемного капитала. Поскольку шансов на получение банковского кредита у финансово неблагополучного предприятия практически нет, оно вынуждено искать средства путем отказа от оплаты по выставленным счетам. Грубо говоря - руководить предприятиями должны люди квалифицированные. К сожалению, в нашей стране в настоящий момент не существует механизмов смены экономически несостоятельных администраций предприятий (для приватизированных - через решение общего собрания акционеров, для государственных - через решение соответствующего правительственного органа, для обоих - путем банкротства). Такой механизм необходимо срочно создать и ДВР имеет достаточно четкие и понятные предложения на этот счет.

Еще одной причиной кризиса неплатежей, связанной с отсутствием механизмов реальной сменяемости руководителей предприятий, являются их личные корыстные интересы. Явно устаревший уже в момент его принятия Закон Российской Федерации от 1990 года "О предприятиях и предпринимательской деятельности" наделил руководителей государственных (т.е. практически всех) предприятий большими правами (полное хозяйственное ведение) при практически полном отсутствии ответственности за их реализацию. В результате, на некоторых предприятиях значительная часть выручки поступает на счета созданных администрацией ТОО, а предприятия не имеют возможности оплачивать свои счета. Еще чаще встречается ситуация, при которой последовательность оплаты выставленных предприятию финансов требований зависят не от порядка их поступления, а от личных отношений кредиторов с администрацией. Единственной возможностью

борьба с такой ситуацией является жесткая позиция исполнительной власти: вплоть до уголовного преследования руководителей подобных предприятий.

Следующей причиной, имеющей свой источник в политике правительства, являются близорукие, явно нереалистические обещания государства, частично внесенные в расходную часть государственного бюджета. предприятия, получившие такие обещания, после из очевидного невыполнения (в связи с тем, что реально собираемые в бюджет средства заметно уступают запланированным), влекут за собой цепочку неплатежей. заметим, что данные Правительством обещания часто являются следствием лоббистской активности руководителей описанных выше предприятий, которым легче "выбивать" деньги из государства, чем принципиально менять свое экономическое поведение.

Эта часть неплатежей особенно опасна тем, что именно она порождает массовые невыплаты заработной платы, влекущие за собой повышение социальной напряженности (на которой часто спекулируют различные политические силы). Кроме того, поскольку бюджетные обещания полностью или частично необходимо выполнять, такая политика приводит к росту инфляционных ожиданий (а потом и к самой инфляции). К сожалению, именно в этом вопросе правительство не проявляет должной активности.

Еще одной причиной, связанной с политикой исполнительной власти, является нерациональная и непоследовательная политика со странами ближнего зарубежья. Там, где мы из чисто политических соображений идем на экономическую поддержку наших соседей, мы должны отдавать себе отчет в опасности роста неплатежей по всей технологической цепочке, следующей за топливно-энергетическим кризисом.

Таким образом, одной из главных мер по смягчению кризиса неплатежей должна стать реалистическая бюджетная политика, основанная на реальных доходных возможностях государства. Заметим, что проведение такой политики невозможно без контроля Государственной Думы за исполнением бюджета.

Отметим, что основная часть неплатежей сконцентрированы в топливно-энергетическом и транспортном (железные дороги) секторах российской экономики. Это связано как с технологическими причинами, так и со спецификой этих отраслей, как естественных монополий. Отсутствие механизмов регулирования естественных монополий и тесная связь этих отраслей с правительственными структурами приводит к тому, что цены на их услуги часто бывают завышенными (особенно для платежеспособных предприятий). В результате, многие предприятия не могут оплатить выставляемые им счета, а частые смены тарифов приводят к невозможности планировать экономическую политику предприятия на сколько-нибудь существенный срок. Решение этой проблемы зависит не только от правительства, поскольку закон о естественных монополиях в настоящий момент находится на рассмотрении в Государственной думе.

Итак, основе кризиса неплатежей лежат три основные причины:

1). *Институциональная.* Отсутствие механизмов смены администраций, проводящих на своих предприятиях экономически несостоятельную политику. Для решения этой проблемы необходимо, во-первых, ускорить проведение второго этапа приватизации, которая приведет к появлению контроля над бывшими государственными предприятиями со стороны реальных собственников. Во-вторых, воплотить в жизнь указы Президента Российской Федерации относительно создания казенных предприятий. Во-третьих, реализовать на

практике механизм банкротств, что требует разработки четко определенных критериев неплатежеспособности предприятий, а также установления личной ответственности отдельных руководителей предприятий за проводимую ими политику. И, наконец, в-четвертых, разработать нормативную базу, которая позволит усилить контроль за деятельностью акционерных обществ в части выполнения администрациями этих АО уставных положений, касающихся их ежегодной отчетности перед общим собранием акционеров.

2). *Политическая.* До тех пор, пока Правительство будет проводить нерациональную бюджетную политику, нет надежды на то, что удастся побороть кризис неплатежей. Это же, во многом, относится к экономическим отношениям со странами ближнего зарубежья.

3). *Экономическая.* Правительству необходимо обеспечить создание механизма, определяющего экономически обоснованные цены на продукцию отраслей - естественных монополистов (электро-энергетика, газовая промышленность, железнодорожный транспорт, связь). Для этого нужно принять все меры к форсированному принятию закона о естественных монополиях, который в настоящее время находится на рассмотрении в Государственной Думе. Одновременно следует разработать порядок реализации положений этого закона с тем, чтобы решения, принимаемые регулирующими органами не зависели от локальной политической конъюнктуры.

Почему в ходе реформ в России не удается использовать всю силу нашего государства?

К сожалению, к началу 90-х годов, то есть когда завершился "коммунистический" этап в развитии нашей страны, неожиданно выяснилось, что представление об исключительной силе

социалистического государства были сильно преувеличенными. То есть оно было, действительно, достаточно эффективным, когда надо было преследовать инакомыслие, подавлять политическую оппозицию в условиях глубокой политической пассивности ("дофигизма") основных слоев народа. Но оно оказалось крайне слабым, когда потребовалось реформировать самое себя, переводить экономические и политические процессы на новые рельсы.

Впрочем, признаки слабости этого государства были достаточно ощутимы задолго до начала перестройки. Ведь первое и последнее, что удалось сделать этой государственной машине с миллионами чиновников - государственных и партийных функционеров, - было проведение индустриализации и раскрестьянивания (коллективизации). Победа в Великой Отечественной войне была достигнута не столько благодаря, сколько вопреки этой системе, приведшей страну в первые месяцы войны на грань катастрофы. И если мы обратимся к послевоенной истории СССР, то с разочарованием можем увидеть, что все амбициозные или просто жизненно необходимые задачи, которые ставились перед страной (то есть перед партийно-государственным аппаратом) ее коммунистическими вождями, так и оставались на уровне лозунгов и призывов.

Ясное дело, советскому народу во главе с КПСС так и не удалось построить коммунизм за 20 лет - это была практически нерешаемая задача, какое бы мощное государство за это не бралось. Но СССР не смог решить и ряда гораздо более конкретных задач, которые оказались вполне по силам как Западу, так и Востоку - безотносительно к силе и влиятельности государства и его институтов в различных странах мира.

Не удалось обеспечить себя в полной мере продовольствием, хотя советских руководителей не могла не тревожить растущая зависимость

страны от импортных поставок продуктов питания.

Не смогли решить задачу ускорения научно-технического прогресса, повышения эффективности производства и качества продукции. Несмотря на многочисленные, повторявшиеся из съезда в съезд призывы "перевести экономику на интенсивный путь развития", в Советском Союзе не сокращалась доля ручного труда и наметилось явное отставание от современных западных стран по всем основным социально-экономическим показателям.

А ведь на решение этих и иных подобных задач КПСС бросала весь свой мощный арсенал средств - экономических, политических, административных, идеологических. Результат же заметен не был.

За время перестройки и демократизации возможность использования государственного аппарата для достижения масштабных социально-экономических целей и вовсе была сведена к нулю. Рухнувшая в 1991 году вертикаль органов коммунистической партии означала ликвидацию несущей конструкции организации государственной власти в СССР и в России. И одновременно вскрылась для всеобщего обозрения крайняя неэффективность государственного аппарата, его всесторонняя коррумпированность.

Но слабое государство это не только государство с неэффективным и коррумпированным чиновничьим слоем. Это еще и бедное государство. А российское государство к моменту распада СССР оказалось в полном смысле слова на грани банкротства. Последние советские руководители истратили практически весь золотой и валютный резерв страны, своим неумным заимствованием из чужого кармана пустили на ветер вклады населения в Сбербанке, выгребли все средства, хранившиеся на валютных счетах во Внешэкономбанке.

Все это стало вполне очевидно осенью 1991 года. Российское

правительство должно было посмотреть правде в глаза и начать строить новую Россию не на основе благих пожеланий и мечтаний о сильной власти, а принимая во внимание ту суровую реальность, с которой ему пришлось столкнуться. И принимать решения на основе этой реальности.

Не кажется ли вам, что после успехов 1990-1991 годов демократическое движение в регионах России переживает все более углубившийся кризис, а параллельно зреет оппозиция правительственному курсу, реформам?

К сожалению, реформы во всех посткоммунистических странах даются заведомо тяжело. Коммунистическая тоталитарная система не разваливается до того момента, пока она полностью не исчерпает экономических ресурсов своей страны. И у нас тоже рухнула только после того, как были разбазарены валютные резервы, золотой запас, самые эффективные месторождения нефти, и к тому же набраны огромные кредиты. К этому времени возможности преодоления экономического кризиса оптимальным путем, с помощью каких-либо легких, потенциально популярных решений уже были безвозвратно упущены.

Именно поэтому на долю демократического правительства выпала тяжелая плата за перебитые горшки, ответственность за вынужденные, совершенно необходимые и неизбежно болезненные для людей преобразования. Коммунистические же лидеры и их структуры, едва отойдя в сторону от рычагов управления страной получили прекрасную возможность извалить ответственность за все происходящее на демократов.

Общество, быстро забывая "прелести" коммунистического режима, не задумывается о том, что невозможно за пару лет выправить последствия всего, что творилось на протяжении долгих десятилетий.

Поэтому победы перекрашенных коммунистических партий на вторых выборах после начала реформ перестали быть новостью. Это наглядно проявилось в ряде стран Восточной Европы. Хотя нельзя забывать, что бывшие коммунисты наших соседей по "социалистическому лагерю" претерпели сильную трансформацию и фактически давно перешли на социал-демократические позиции. Их приход к власти не ведет ни к каким переменам в политическом строе и не столь уж существенно сказывается на экономической политике.

Не считаете ли вы, что Правительство расходует недопустимо мало средств на развитие образования, науки, культуры, здравоохранения?

Безусловно, считаем. Именно это составляло основное содержание поправок фракции "Выбор России", которые вносились и к проектам бюджетов и на 1994, и на 1995 годы.

Вообще, в этом отношении ситуация в нашей стране складывается уникальная. Обычно в парламентах демократических государств левые (социалисты и коммунисты) выступают прежде всего с требованиями поддержки социальной сферы, а правые борются за сокращение государственных расходов как таковых. У нас же левые фракции (коммунисты и мало чем отличающиеся от них аграрии) голосуют за финансирование прежде всего отраслей - промышленных и сельскохозяйственных предприятий, причем как правило неэффективных, обреченных на прозябание. На социальную же поддержку населения денег в таком случае не остается, причем и то, что остается, "съедается" инфляцией, поражаемой бездумным финансированием тех же неэффективных отраслей.

Напротив, "Выбор России", который политологи относят к правому центру, настаивает на расширении поддержки граждан, а также отраслей

непроизводительной сферы - науки, культуры, образования. Мы уверены, что экономия в этих сферах может обернуться невозвратными потерями. А денег эти отрасли требуют гораздо меньше, чем для поддержки неэффективных производств.

Словом, именно в развитии и укреплении социальной сферы, в эффективной поддержке населения, а не в бездумном поддержании "на плаву" отечественных промышленных монстров, которые не приносят ничего, кроме убытков, и не в подпитке бюрократического аппарата, должна состоять важнейшая задача государственного бюджета.

К сожалению, пока Правительство под давлением разного рода лоббистов нередко шло в 1994 году по иному пути, за что депутаты от "Выбора России" резко критиковали его и в Государственной Думе, и в средствах массовой информации. Например, в 1994 году, впервые с начала наших реформ, доля расходов на бюрократический аппарат возросла, что уже само по себе представляется нам недопустимым. И одновременно были резко увеличены бюджетные расходы на сельское хозяйство, среди которых центральное место занимают государственные закупки сельхозпродукции. Причем государство, склоняясь перед аграрным лобби, зачастую закупает зерно и другую продукцию по ценам, *выше* рыночных. Аграрное лобби оказалось в Думе даже сильнее военно-промышленного, аппетиты которого были удовлетворены в гораздо меньшей мере.

И в то же самое время социальные затраты оказались минимальными. Да и те выполнялись менее, чем на 50 процентов. Понятно, что с такой практикой нельзя обеспечить решительного преодоления кризиса и затем быстрого продвижения вперед.

Здесь, кстати, уместно напомнить, что соответствующие аргументы выдвигались Е.Т.Гайдаром и в его письме Президенту России от 12 января 1994 года, в котором первый вице-премьер просил о своей

отставке из состава Кабинета.

Зачем нам нужна частная собственность на землю?

Частная собственность на землю - это не самоцель, это экономическая неизбежность при переходе к рыночному типу экономики.

Земля представляет собой важнейший фактор производства, она - пространство почти для любого предприятия, основной ресурс для земледелия и добывающей промышленности. В условиях рыночной экономики именно рыночный оборот позволяет оптимально распределить все факторы производства, обеспечить их концентрацию в наиболее эффективных руках. Хозяйствующий субъект, который производит нужный потребителю товар и с наименьшими издержками может позволить себе вкладывать средства в расширение производства, в приобретение дополнительных его факторов. Так происходит перераспределение ресурсов между хозяйствующими субъектами, между отраслями, а для мобильных ресурсов - и между регионами.

Земля не является исключением. Тот, кто вкладывает в нее капитал, будет стремиться к ее рациональному использованию. Неспособный вести эффективное хозяйство на ней будет вынужден к отчуждению своего участка в пользу более рачительного производителя. Немыслима рыночная экономика, в которой важнейший производственный ресурс исключен из этого процесса перераспределения.

Нельзя сказать, что частная собственность на землю - безусловно положительная вещь: и с экономической, и с социальной точек зрения ей присущи большие недостатки. Человечество давно уже осознает эти недостатки. Поэтому понятия абсолютной частной собственности на землю, при которой собственник не ограничен в своих полномочиях, уже нигде в мире не существует. Государство как выразитель интересов всего

общества все больше и больше регулирует земельную собственность в развитых странах. Все больше прав получает тот, кто хозяйствует на земле, по сравнению с собственником, лендлордом, все больше вводится экологических ограничений, государство планирует землепользование, контролирует сделки с землей и т.д. И тем не менее, земельный оборот везде сохраняется как неизбежный элемент рыночной экономики. Более того, даже там, где формально юридически нет частной собственности на землю, стихийно складывается оборот прав пользования землей, что отражает объективную обусловленность механизму перераспределения земли.

Функции земельного оборота не исчерпываются только перераспределением этого ресурса в руки эффективного собственника. Земля приобретает цену на рынке, а это значит, что становится возможным заложить ее для получения производственного кредита. Попробуйте предложить банку в залог нечто, что нельзя купить и сразу станет ясным, какой источник кредитования для сельского хозяйства, например, мы сегодня теряем. Земля приобретает стоимость - и это значит, что становится возможным реально оценивать эффективность проектов. Может быть мы бы не затопили при строительстве гигантских ГЭС такое количество ценных сельскохозяйственных угодий, включив в рассмотрение реальную, то есть рыночную, стоимость земли. При наличии цены земли отпадает надобность в надуманных, искусственных "нормативных ценах", к которым сегодня приходится прибегать при любых земельных транзакциях, что плодит произвол чиновников, искажает реальные экономические отношения при обмене земли и т.д. Конечно, в развитых странах процесс становления земельного рынка складывался веками, а в переходных условиях нашей страны возникает много проблем с введением полноценного оборота. Чего боятся наши оппоненты прежде

всего? Спекуляция землей, ее скупки гражданами других стран, выводом из оборота. Но давайте взглянем на реалии сегодняшнего дня без предвзятости. Колхозы и совхозы в пригородах во всю продают землю под дачи, огороды, жилищную застройку. Даже во времена моратория на сделки с землей ни одна фирма, открыто поместившая в средствах массовой информации объявления о купле-продаже участков, не была привлечена к ответственности. Любой, знакомый с пробемой, знает в каких масштабах идет спекуляция землей и от лица государства, и специализированными риэлтерскими фирмами и просто предприятиями, имеющими землю в пользовании. Происходит это все полулегально, без четкого законодательного регулирования. И как это не прискорбно, но абсолютно непреложно: любое экономически взрывшее, объективное незапрещенное явление в России непременно уходит в "тень". И что также непреложно - в "теневой" экономике оно приобретает все более нежелательные черты. Так, земельная спекуляция в тех регионах, где для земельного оборота есть экономические корни, идет в хищнических формах, с нарушением целевого использования земли, без какого-либо контроля со стороны государства. В этих местах российскому обществу не удастся избежать ни одной из тех пролем, которые хотелось бы избежать в ходе приватизации земли да еще при этом теряются возможные налоговые поступления от земельных сделок. Поэтому сегодня нужна полноценная нормативная база и организационный механизм для осуществления цивилизованного земельного оборота в стране.

Что вы понимаете под аграрной реформой? Роствск колхозов и совхозов? Или что-то еще?

Если посмотреть наши официальные докуметнты, выступления Е.Т.Гайдара и других близких нам экономистов, то еряд ли кто-то

обнаружит в них однозначные и жесткие требования роспуска кого бы то ни было. Мы против "насильственной деколлективизации", равно как и против каких-либо других насильственных мер. Что мы действительно хотим - так это равноправного соревнования различных предприятий независимо от организационно-хозяйственной формы. Другое дело, что фермерское хозяйство как совершенно новая для современной России, только возникающая форма работы на земле, требует сейчас пристального внимания и особой поддержки.

Мы рассматриваем аграрную реформу как составную часть общей трансформации российского общества, перехода от административно-командной к рыночной экономике, от централизованного регулирования всех сторон социальной жизни к местному самоуправлению. Первоочередная задача аграрной реформы заключалась в создании хозяйствующих субъектов, ориентированных на рынок, способных быстро реагировать на экономическую конъюнктуру, стимулом деятельности которых является прибыль. Очевидно, сто колхозы и совхозы создавались как элементы совершенно иной системы и к функционированию на рынке были в своем прежнем виде не приспособлены.

Первым решением этой проблемы стали возникающие фермерские хозяйства, которые по своей природе - изначально рыночные производственные единицы. Для создания фермерского сектора был необходим механизм перераспределения земли, что уже само по себе было шагом вперед по пути реформ. Но фермерский сектор стал мощным катализатором рыночных изменений во всей аграрной экономике. Во-первых, возможность самостоятельно хозяйствовать на земле, возможность выбора, явилась фактором экономической демократии, без которой рынок немислим. Во-вторых, становящееся фермерское хозяйство дало пример принципиально иного поведения производителя в экономической системе.

Тем не менее, изначально было понятно, что в ближайшей перспективе фермерский сектор не будет основным производителем сельскохозяйственной продукции в стране. Тому есть исторические, экономические, социально-психологические, технологические причины. Поэтому важнейшей составляющей институциональной реформы в сельском хозяйстве является трансформация колхозов и совхозов. Сегодня формально-юридическая часть этого процесса пройдена: коллективам этих хозяйств отданы фонды и земли, они как бы отделены от государства, от государственных систем сбыта, снабжения, финансирования. Каждому крестьянину дано право без согласия коллектива выйти со своей долей имущества и земельным участком, что дает определенные гарантии каждому селянину.

Теперь стоит задача более длительная - реальная трансформация этих предприятий в рыночных субъектов. Часть из хозяйств будет под воздействием внешних экономических условий разделена на более мелкие предприятия, фермы. Другие хозяйства, по-видимому, трансформируются в относительно крупные коммерческие фермы на наемном труде и с четко закрепленной собственностью. В этом вопросе не может быть единого шаблона для всей России, не может быть нормативных моделей и уж совсем не должно быть директивного насилия над крестьянами.

Если на первой стадии аграрной реформы государство преимущественно ушло из сферы сельскохозяйственного производства, то последующий этап состоит в уходе государства из сферы распределения сельскохозяйственной продукции. Но ликвидируя государственную монополию в закупках, оптовой торговле, хранении, переработке и т.п. в АПК, государство должно параллельно всемерно и целенаправленно поддерживать частные структуры в этой области. Государственные

инвестиции, льготы, политическая поддержка правительства должны сегодня быть направлены не столько в само сельскохозяйственное производство, сколько в тех, кто его обслуживает, кто соединяет его с конечным потребителем - в посредников, оптовых и розничных торговцев, переработчиков, комиссионеров и т.п. Только встав на ноги, эта традиционно отсталая сфера АПК сможет потянуть за собой и сельскохозяйственное производство. Так было во всем мире, так должно быть в России.

В сельском обществе необходимо изживать накопившееся за долгие годы тоталитаризма иждивенчество. В деревне нужно возродить традиционный коллективизм, самоуправление. Многие вопросы социальной инфраструктуры села могут гораздо успешнее решаться в рамках местного самоуправления.

На макроуровне аграрная реформа выражается в принципиально иной аграрной политике правительства. оппоненты обычно ссылаются на то, что во всех развитых странах мира государство в значительной мере поддерживает собственных сельскохозяйственных производителей. В свете уругвайского раунда Генерального соглашения о тарифах и торговле (ГАТТ) и новой общей аграрной политики европейского Сообщества это уже не так однозначно: Европа и весь мир осознали неразумность такого протекционизма. Но дело даже не в этом. Российское сельское хозяйство составляет 1/4 национальной экономики, в то время как в развитых странах эта доля не превышает 5% (за исключением Турции, Греции, Ирландии, где она составляет 10-15%). при таком удельном весе аграрного сектора его массивная поддержка обществу просто не по карману. Она будет лишь ухудшать общее экономическое положение в стране, а тем самым - и для самого сельского хозяйства. С другой стороны, активное вмешательство государства в аграрный сектор ведет к

искажению рыночных сигналов, сельскохозяйственные производители оказываются дезориентированы в экономическом окружении и их положение еще больше усугубляется, так как они не успевают провести структурную перестройку производства.

Скажем, в стране резко упал спрос на шерсть, и в ближайшей перспективе изменений конъюнктуры не предвидится. Для того, чтобы помочь отечественным овцеводам, государство имеет соблазн закупить у них продукцию по гарантированным ценам, чтобы поддержать их хозяйство, получая более или менее приличную цену за свой продукт, сельхозпроизводители будут иметь стимул наращивать или, по крайней мере, не сокращать производство, вместо того, искать другие источники доходов. Когда же государственный источник поддержки иссякнет, то проблема отсутствия рынка станет для овцеводов в гораздо более острой форме, чем начальная. Было существенно более рационально с самого начала помочь производителям переориентировать производство. И это не голая теоретическая схема, с этой проблемой сталкивались многие западные государства. Поэтому политика поддержки аграрного сектора должна исходить из преимущественного субсидирования не цен, а доходов, не производителя, а конечного потребителя. Только этот подход не ведет к раскручиванию дотационной спирали, когда чем больше вливаний в сектор, тем больше ресурсов требуется для продолжения такой политики.

Вы часто называете коммунистов фашистами. Но большинство тех, кто пережил войну не может поставить между ними знак равенства. Вам не кажется, что Вы теряете таким образом потенциальных сторонников?

Во-первых, мы вовсе не считаем коммунистов фашистами и

никогда не ставили между ними знак равенства. Это разные политические силы и для нас очень печально, что эти две политические силы сегодня в России сплелись и, фактически, выступают единым союзом. Для нас это трагический парадокс российской истории. Ведь именно наша страна пережила страшнейшую войну с фашизмом.

С чем это связано? Дело в том, что коммунистическая партия, коммунистическая идея - неотделимы от нашего прошлого. Другое дело, что эта идея оказалась страшной по своим последствиям. Обманчиво-соблазнительной, но страшной. Именно она унесла миллионы жизней, именно она завела нашу страну в исторический тупик, именно она породила то экономическое устройство, которое стало основой наших сегодняшних тяжелых проблем.

Сегодня даже люди, называющие себя коммунистами, как правило, не решаются напрямую отстаивать коммунистические идеалы. Ведь, ругая свое настоящее, люди здравые вовсе не намерены возвращаться в такое, как у нас, прошлое. Именно поэтому, люди, называющие себя коммунистами, вынуждены сегодня искать для себя опору в идеологии принципиально иной. В идеологии национальной исключительности, национального противопоставления, в идеологии по сути своей фашистской. А ведь именно борьба с этой идеологией была стрессом и содержанием Великой Отечественной Войны.

Этот исторический парадокс - коммунисты и фашисты, красные знамена и свастики рядом, на одних митингах и демонстрациях - для меня это воплощение трагической истории нашей многострадальной страны.

Убежден, что те люди, которые спасли мир от фашизма, защитили человечество от страшной угрозы XX века, может быть, даже самой страшной. И мы будем делать все, что в наших силах, чтобы их жертвы

оказались не напрасными и чтобы внутренний фашизм не одержал верх в нашей стране.

Так уж сложилось, что в России подавляющее большинство населения если не верующее, то исповедующее православную мораль. В то время как другие партии всячески выражают свои симпатии Русской Православной церкви (даже Жириновский пытается неумело перекреститься), вы ее как будто сторонитесь. Не боитесь ли Вы таким образом потерять голоса избирателей?

Мы считаем безнравственной такую постановку вопроса. По моему, это оскорбление чувств верующих, когда политики в погоне за голосами избирателей начинают демонстрировать свой подчеркнутый интерес, сюсюкают вокруг религии.

Мы поддерживаем полезные контакты с иерархами Церкви. Среди клира и мирян немало наших сторонников. В напряженном ритме нашей бурной политической жизни мы всегда чувствовали моральную поддержку со стороны видных представителей Церкви.

Однако мы убеждены, что Церковь должна находиться вне политики и выше политики.

Мы с огромным уважением относимся к Русской Православной Церкви, считаем ее важнейшим инструментом российской общественной жизни, неотъемлемой частью нашей культуры. И именно поэтому я всегда был и буду против вовлечения церкви в текущие перепетии современной политической жизни.

Вопросы лично к Е.Т.Гайдару.

Как голосовал Е.Т.Гайдар на референдуме о сохранении СССР 17 марта 1991 года?

Голосовал за сохранение Союза. Понимал, что надежд на его реальное сохранение оставалось немного - слишком много ошибок, ведущих к подрыву единства страны совершило к этому времени руководство СССР. И все-таки надеялся, что власти после референдума найдут в себе мужество и силу встать на путь решительных и последовательных мер, способных предотвратить распад единого государства.

Даже чисто - экономические действия, направленные на преодоление тотального товарного дефицита и тем самым восстановление единого всесоюзного рынка товаров, резко ослабили бы сепаратистские настроения в бывших союзных республиках. Кстати, именно по этому пути пошло российское руководство во главе с Б.Н.Ельциным, когда в конце 1991 года с угрозой распада столкнулась уже Российская Федерация.

К сожалению, после мартовского референдума руководителям Советского Союза не хватило ни дальновидности, ни мужества, ни ответственности. Они не смогли четко поставить диагноз, то есть в полной мере понять комплекс причин, ведущих к распаду СССР. А следовательно, не могли и осуществить тот комплекс экономических и политических мероприятий, которые позволили бы избежать распада страны.

Несет ли ДВР ответственность за потерю миллионами россиян их сбережений в результате отказа от государственного регулирования цен?

Тем, у кого реформы съели все сбережения, трудно проникнуться симпатиями к Гайдару. Понимает ли лидер ДВР, насколько серьезна эта проблема?

Очень хорошо понимает. В том числе и лично, потому что все

сбережения моей семьи пропали точно таким же образом. Да и мой тесть, Аркадий Натанович Стругацкий, известный писатель, чьи книги печатались в десятках стран, все свои гонорары держал на сберкнижке. И все, довольно приличные, суммы, которые оставались записанными к началу 1992 года в сберкнижке у его вдовы обесценились, как у и всех, когда реальная стоимость рубля перестала скрываться. Та же ситуация постигла, естественно, и собственных моих родителей, и мои собственные сбережения.

То, что рубли перестали быть деньгами и превратились в бессмысленные фантики, было ясно уже задолго до начала реальных реформ. Достаточно вспомнить (спасительное свойство человеческой памяти легко стирает из записей прошлого такие вещи) голые прилавки магазинов, многочасовые очереди за самым необходимым, бесчисленные талоны, карточки покупателя, чтобы понять очевидный факт - запись в сберкнижке уже давно стала фиктивной. Обанкротившееся государство фактически выписывало нам фальшивые векселя.

Когда именно Гайдара обвиняют в том, что сбережения "пропали", вспоминается популярный анекдот времен застоя. Известный деятель, спалив в топке паровоза и уголь, и дрова и даже мебель из вагонов предлагает задернуть занавески и говорить "чух-чух", представляя себе, что поезд продолжает двигаться. Как раз за этим занятием и застали нас экономические реформы. Мы лишь открыли занавески.

Ну, а если все-таки серьезно, надо, разумеется, пытаться как можно скорее и надежнее стабилизировать нашу национальную валюту. Только после этого можно будет предпринимать попытки хотя бы постепенно компенсировать пропавшие накопления. Ведь мы несли в сбербанк не фиктивные, а вполне реальные и с трудом заработанные рубли. И были уверены, что деньги эти лежат в банках. Никто не

поинтересовался нашим мнением, когда растранижировался золотой запас страны, когда разбазаривались валютные резервы, когда набирались нереальные и непосильные кредиты.

Мы считаем, что распорядившись деньгами частных вкладчиков, как своими собственным, коммунистические чиновники допустили страшную несправедливость, если не сказать больше. Я очень сочувствую тем, кто лишился своих трудовых сбережений, вследствие бездумных и безответственных решений, принимавшихся в 80-х и начале 90-х годов. Надеюсь, что люди все-таки поймут рано или поздно, кто же на самом деле их ограбил.

Когда станет возможной какая-либо компенсация - это зависит от степени осмысленности экономической политики, которая будет проводиться в России. В послевоенной Германии, например, где сбережения населения поглотила бездонная бочка гонки вооружений и ненасытная бюрократия, начали компенсировать потери лишь через десять лет после начала реформ Л.Эрхарда. (Того самого Эрхарда, опыт которого нередко ставили и продолжают ставить в пример нам, как образец "социально ориентированной" политики реформ. Поверьте, что и в других отношениях западногерманская послевоенная реформа проводилась решительно, последовательно и, увы, болезненно). И все это происходило при вполне рациональной и довольно жесткой финансовой политике.

Возможно, компенсации надо будет проводить последовательно. Сначала - старшим возрастам.

Такое ощущение, что Вы собираетесь перенести модель западного общества на российские просторы. А вот Никита Михалков, например, говорит, что при нашем "евразийском сознании" это полностью сделать

невозможно. Не кажется ли вам, что он в чем-то прав?

Вообще идея прививать на нашей почве какие-либо модели - американские, шведские, пуэрто-риканские, сингапурские, китайские и т.д. - эта идея приходит в голову только поразительно неразумным и некомпетентным людям. У нас в России сложилась своя специфическая среда, как, между прочим, и в любой большой стране с древней и мощной культурой. И единственная модель, которая может прижиться в этой среде, сотканной из исторических традиций, опыта и противоречий - это российская модель.

Другое дело, это рассуждения о российской национальной специфике, абсолютно правильные по существу, иногда прикрывают абсолютно унижительные и оскорбительные для нас, для нашей культуры убеждения в фатальной исторической неприспособленности русского человека к труду, о природной ленности и глупости нашего народа. нас пытаются убедить в том, что только периодические порки да строгий начальник могут заставить россиянина что-то делать и т.д.

Да, у нас есть тяжкое наследие крепостничества в сознании. Крепостничества как феодального, так и коммунистического. Вместе в тем, опыт последних лет показал, что в нашем народе заложен такой колоссальный потенциал работоспособности и предприимчивости, какого трудно было ожидать после стольких лет советской власти. Именно поэтому мы категорически отказываемся верить в то, что мы - нация фатальных социальных инвалидов, которой необходимы бесконечные социальные подпорки.

Абсолютно убеждены, что если мы создадим мало-мальски нормальный и устойчивые условия для российского предпринимательства и российской экономики, то Россия может стать одним из наиболее динамично развивающихся островов в мировой экономике XXI века.

Вы всегда говорите о своих экономических программах непонятным широкой аудитории языком. А у Жириновского все просто. Может быть, в этом причина неудач Вашей агитации?

Экономика, да и вообще жизнь, устроены не совсем просто. Человек, который говорит совсем просто о не совсем простых вещах, либо совсем не понимает того, о чем говорит, либо сознательно стремится ввести слушателей в заблуждение.

Признаю, что моим недостатком было усложненное обсуждение экономических проблем. Я ведь все-таки профессиональный экономист, доктор наук и в правительство был назначен именно как профессионал, а отнюдь не из парламента, не из политической среды. Тем не менее, с течением времени я, разумеется, увидел растущий интерес к сути происходящих экономических процессов и понял необходимость объяснять людям понятнее и доступнее некоторые важные для их жизни для их будущего, для нашей страны вещи. Теперь стараюсь говорить языком, ясным любому разумному и, главное, желающему разъяснений, а не утешений человеку. И, судя по реакции аудиторий, перед которыми мне в последнее время доводилось выступать в самых разных городах России, меня совсем неплохо понимают.